

Каримова Сания Талгатовна

студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
Санкт-Петербург, Россия

**РОССИЙСКАЯ МОДЕЛЬ ДЕЛИКТНОГО ПРАВА: МЕЖДУ ГЕНЕРАЛЬНЫМ
И СИНГУЛЯРНЫМ ДЕЛИКТОМ****Аннотация**

Анализируется современное российское деликтное право, сосредотачиваясь на принципе генерального деликта. Рассматриваются различные точки зрения относительно того, насколько применим данный принцип к регулированию деликтных обязательств в России. Подчёркивается отсутствие единообразного подхода в судебной практике, что не позволяет чётко определить специфику российской модели деликтной ответственности и говорить о полноценном закреплении принципа генерального деликта в отечественном праве.

Ключевые слова: деликтное право, возмещение вреда

Деликтная ответственность – обязательство лица возместить вред, причинённый другому лицу противоправными действиями или бездействием. Г.Ф. Шершеневич в учебнике русского гражданского права дал полное представление о понятии и сущности деликтных обязательств [2].

В современном российском правопонимании укрепилась идея, согласно которой базовым принципом российского деликтного права является убеждение, что причинение вреда одним лицом другому автоматически обязывает возместить ущерб. В современной юридической доктрине отмечается, что деликтные обязательства основаны на принципе генерального деликта [7]. «В процессе обсуждения проблематики, связанной с отдельными условиями ответственности, общим трендом является констатация того, что российский правопорядок основан на модели генерального деликта», – пишет в своей работе Э.А. Евстигнеев [3].

Тем не менее, четкого общепризнанного толкования этой идеи пока нет, что вызывает неопределенность в ключевых аспектах деликтного права, таких как определение вины, противоправности, условий возмещения экономических убытков, соотношения виновной и строгой ответственности. Это обуславливает актуальность исследования.

Деликтное право любой страны базируется на одной из двух основных моделей регулирования отношений по возмещению вреда: модели генерального деликта или модели сингулярного деликта.

Вокруг принципа генерального деликта в российском праве существует некоторая неопределенность. Принцип общей ответственности за причинённый вред не является бесспорным и вызывает критику отдельных ученых. Это связано с тем, что: 1) «он не позволяет рассматривать противоправность в качестве обязательного условия ответственности» [6]; 2) «для возникновения деликтного правоотношения необходимо нарушение абсолютного права истца» [1].

Идея генерального деликта обычно связывается с французским деликтным правом, где принято считать, что любое лицо, виновно причинившее вред, обязано полностью возместить причиненный ущерб. Французская модель компенсации ущерба считается образцовым примером реализации принципа общей ответственности за причинённый вред [5]. В российском правопонимании то, что во Франции обозначается как вина, напоминает смесь противоправности и вины одновременно. В России причинение любого вреда влечёт обязанность его возмещения. Однако противоправность по-прежнему остаётся необходимым условием для наступления ответственности.

В ГК РСФСР 1964 года была установлена норма, аналогичная современному регулированию. Подобие в правовом регулировании отношений по возмещению ущерба по советскому и современному российскому праву подчеркивает, что российское деликтное право скорее основано на советской доктрине, что может позволить рассматривать деликтное право России как основанное на концепции «генерального деликта» [3].

Представляется, что современная система генерального деликта в российском праве должна отражать современные требования и потребности участников оборота, с учетом традиций российского права.

Суды трактуют модель, описанную в статье 1064 ГК РФ, как способ привлечения к ответственности не только прямых причинителей ущерба, но и других лиц. Суды рассматривают принцип генерального деликта более широко. Учитывается баланс интересов сторон в деликтных обязательствах.

Российская система деликтных обязательств носит гибридный, промежуточный характер.

В статье 1064 ГК РФ перечислены конкретные блага, подлежащие защите. Подобное разграничение случаев ответственности характерно для модели сингулярного деликта. При детальном анализе перечисленных объектов защиты

становится понятно, что их содержание охватывает все аспекты личной и имущественной неприкосновенности, посягательство на которые может привести к причинению ущерба. Широта охраняемых прав фактически означает общий запрет на причинение вреда, типичный для системы генерального деликта.

Кроме того, российское деликтное право характеризуется: расплывчатостью формулировок условий ответственности; отсутствием четкого разграничения виновной и безвиновной ответственности; региональными различиями в судебной практике.

Деликтная система защиты, принятая в российском праве, не может быть однозначно классифицирована как какая-либо стандартная модель [3]. Невзирая на отсутствие в российском праве генерального деликта, можно предположить, что национальная модель компенсации ущерба должна следовать немецкому подходу. Однако на деле ситуация иная. Это особенно ярко проявляется в интерпретации понятия противоправности. В рамках российской модели противоправность не служит инструментом, которым законодатель регулирует случаи возмещения ущерба.

В российской системе противоправность трактуется с позиции презумпции: причинитель ущерба обязан ссылаться на установленные законом основания, оправдывающие его действия. Такой взгляд наделяет суды обширными возможностями по уточнению перечня обстоятельств, при которых происходит компенсация вреда.

Этот факт также отмечается Р.Р. Лугмановым, который утверждает, что «с точки зрения формально-юридической можно придерживаться различных точек зрения и оставаться правым» [5]. Поэтому выбор конкретного подхода прямо зависит от интерпретации соответствующей правовой нормы [4].

Таким образом, российская деликтная система сочетает в себе элементы обеих концепций. Об этом свидетельствует и судебная практика. Суды используют как общий принцип полного возмещения вреда, так и требования противоправности, вины, причинно-следственной связи для квалификации деликтной ответственности.

В судебной практике отсутствует какое-либо единообразие в понимании вины и противоправности и того, как эти условия влияют на состав ответственности, что не позволяет в должной мере разграничить противоправность и вину, строгую и виновную ответственность, а также выявить какие-либо специфические черты

противоправности и сделать точный вывод о том, что представляет собой система «российского генерального деликта».

Кроме того, проблемным моментом российской модели является нечеткое разграничение полномочий между законодателем и правоприменителем. Законодатель воздерживается от определения перечня случаев компенсации вреда и условий ответственности, как это имеет место в немецкой модели. В рамках общего правила он перекладывает на суд решающую роль в вопросах возмещения ущерба. В то же время суды, несмотря на опыт французских коллег, не используют предоставленные полномочия. В итоге вектор развития может смещаться как в сторону законодателя, так и в сторону судебной власти в зависимости от проявленной инициативы и активности.

На современном этапе существует несколько возможных сценариев дальнейшей эволюции российской модели деликтных обязательств.

Первый вариант заключается в постепенном смещении в сторону концепции генерального деликта. Этому может способствовать все более широкая трактовка Верховным Судом РФ таких базовых условий ответственности как противоправность и вина. Также на развитие событий по этому сценарию могут повлиять заимствования отдельных положений из зарубежных правовых порядков, в частности, опыт Франции.

Второй путь – постепенная трансформация в сторону модели сингулярного деликта. Этому может способствовать повышение роли законодателя в детализации оснований и условий деликтной ответственности. Примером таких изменений могло бы стать закрепление в ГК РФ закрытого перечня случаев, в которых обязанность возместить вред возлагается на причинителя.

Ещё один распространенный подход – сохранение существующего «гибридного» состояния российской модели. Этот консервативный сценарий не предполагает радикального реформирования сложившейся системы. Однако в его рамках также необходима дальнейшая конкретизация отдельных аспектов правового регулирования деликтных отношений.

Список использованных источников

1. Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т.2: Общее учение об обязательствах и его отдельных видах. – М., Статут, 2012. – 533 с.

2. Белокурова Е.В. Обязательства вследствие причинения вреда в соответствии с нормами российского гражданского права // Евразийский союз ученых. – 2015. – № 9-2 (18). – С. 127-129. – EDN: WLZSPN
3. Евстигнеев Э.А. Принцип генерального деликта: современное состояние и перспективы применения // Вестник гражданского права. – 2017. – № 5. – С. 55-84. – DOI: 10.24031/1992-2043-2017-17-5-55-84. – EDN: ZUCIZT
4. Копяков А.А. Проблема возмещения чистых экономических убытков в российском гражданском праве // Вестник гражданского права. – 2020. – № 1. – С. 146-196. – DOI: 10.24031/1992-2043-2020-20-1-146-196. – EDN: WVVTTN
5. Лугманов Р.Р. Деликтное право, как средство взыскания чисто экономических убытков // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2019. – № 2. – С. 115-153. – EDN: VSFWRM
6. Рожкова М.А. Об источнике повышенной опасности // Вестник ВАС. – 2002. – № 2. – С. 88-100. – EDN: EHTXLR
7. Ягельницкий А.А. О тенденциях судебной практики по делам об убытках // Закон. – 2019. – № 3. – С. 47-55. – EDN: VXMUQW